

— Ого, ну и жаркая тут битва! — внезапно возникший из ниоткуда Годжо Сатору с живым интересом оглядел распластанных по земле второкурсников и тут же вытащил телефон, принявшись увлеченно щелкать камерой.

Уже успевшие подняться на ноги благодаря исцелению Мадоки второкурсники поспешно закрыли лица руками. Спасало это слабо — компрометирующие кадры наверняка пополнят личную коллекцию Сатору, — но так они пытались сохранить хотя бы крупницы уцелевшей гордости.

Убрав мобильник, Сатору лучезарно улыбнулся:

— Ну как? Наш новый учитель Фусигуро просто класс, правда? Это ведь родной папочка Мэгуми, которого тот притащил с собой в школу за компанию!

Из-за шутливых интонаций Сатору казалось, будто грозный Фусигуро Тодзи — всего лишь карманный брелок, который послушный сын взял с собой на занятия. От подобного сравнения лицо Тодзи мгновенно потемнело, а Мэгуми просто лишился дара речи от неловкости.

Второкурсник Тогэ Инумаки устало выдохнул очередное название начинки для онигири. Ничего конкретного — просто наболевшее.

Панда тут же вызвался перевести:

— Тогэ имеет в виду, что новый наставник чертовски силен. Стоило нам пойти на сближение, как он вырубил всех одним махом. Мы даже понять ничего не успели, как уже валялись на земле.

Подтекст был ясен: из этой трепки они не вынесли ровным счетом ничего полезного, ведь их просто убрали в одно касание.

— Стружка тунца! — возмущенно выдавил Тогэ.

«Да не это я имел в виду! Панда, прекрати нести отсебятину!»

Сатору повернулся к Тодзи и, приняв покровительственный вид опытного наставника, покачал головой:

— Учитель Фусигуро, так дело не пойдет. Нельзя быть столь суровым со студентами, иначе эти оболтусы ничему не научатся. Проявите немного терпения и заботы. Относитесь к ним как к Мэгуми — поддавайтесь слегка, давая им возможность проявить себя!

Тодзи пренебрег чужими советами, скривив губы в презрительной усмешке:

— Они мне не сыновья.

«С какой стати посторонним соплякам рассчитывать на то же отношение, что и к моему собственному ребенку?»

Сатору тут же выложил главный козырь:

— Я накину сверху!

На лице Тодзи не дрогнул ни один мускул. Его семья давно ни в чем не нуждалась, так что жалкие крохи его не прельщали.

«Неужели этот белобрысый всерьез думает, будто я согласился преподавать в Токийском магическом колледже из-за официальной зарплаты?»

Сатору не сдавался и повысил ставку, понизив голос:

— Мимо кассы! Лично тебе в руки!

Тодзи хмуро смерил его взглядом и отрезал:

— Нет.

На самом деле Тодзи мысленно поразился чужой недогадливости.

«Идиот слепорожденный. Не видит, что ли, что Мэгуми стоит прямо перед нами? Какая к черту тайная сделка, если мой сын все слышит?»

Пока Сатору недоумевал, почему его безотказный финансовый аргумент дал осечку, его взгляд случайно наткнулся на Мэгуми. Мальчик смотрел на них двоих с глубочайшим подозрением. В этот момент до величайшего мага наконец дошло.

«Ах, вот оно что. Рядом трется маленький надзиратель!»

Теперь упрямство Тодзи стало понятным. Под бдительным оком сына мужчине не светило спрятать ни единой иены в заначку.

Сатору незаметно вытащил смартфон и быстро набрал сообщение:

**[Помоги как следует натаскать моих ребят. Деньги переведу лично тебе — Мэгуми даже не

пикнет.]***

Тодзи почувствовал вибрацию в кармане, достал мобильник, бросил мимолетный взгляд на экран и тут же убрал устройство обратно с совершенно безучастным лицом, словно только что прочитал рекламный спам.

Развернувшись, он ленивой походкой направился к центру площадки. Его взгляд остановился на уже успевшем оправиться Юте Оккоцу.

— Ладно, малец, начнем с тебя. Покажи, чему научился.

К этому времени Юта уже носил гордое звание мага особого ранга и в совершенстве овладел обратной проклятой техникой. Пока его одноклассники смиренно дожидались своей очереди у исцеляющей Мадоки, Оккоцу без труда залечил все свои травмы сам.

Разумеется, именно его Тодзи и выбрал первой мишенью для спарринга.

По идее, Тодзи должен был проявить наибольший интерес к Маки Дзэннин, ведь она, как и он когда-то, несла бремя Небесного проклятия. Вот только при первой их встрече эта строптивая девица умудрилась съездить его сыну кулаком по лицу. Памятуя об этой обиде, в общем замесе Тодзи приложил девчонку с особой жестокостью, так что вытаскивать ее на арену прямо сейчас было бы уже явным перебором.

Юта успел изрядно измениться. Пусть в повседневной жизни он оставался мягким и добродушным юношей, на поле боя от прежней нерешительности не оставалось и следа. Крепче перехватив рукоять проклятого орудия, он без лишних раздумий ринулся в атаку на Небесного тирана.

В чистом рукопашном бою Юте было не сравниться с физическим монстром вроде Тодзи. Однако колоссальный, почти безграничный запас проклятой энергии и мгновенная регенерация компенсировали этот недостаток. Стоило Оккоцу пропустить удар, как он тут же восстанавливался с помощью обратной техники. К тому же Тодзи, отрабатывая негласный гонорар, явно сдерживал свою силу и направлял атаки юноши, из-за чего их противостояние казалось удивительно равным и зрелищным.

Сатору понаблюдая за боем еще немного. Убедившись, что Тодзи занимается не банальным избиением, а вполне методичной, пусть и жесткой, боевой подготовкой, он успокоился. Достав смартфон, он сразу же перевел наемнику аванс за первый месяц — Сатору прекрасно знал, что без хорошей приманки этот прожженный циник и пальцем не пошевелит.

Закончив с Оккоцу, Тодзи вытащил из кармана вибрирующий аппарат. Взглянув на сумму перевода, он мысленно пересчитал ее в новенькие билеты для ставок на ипподроме. Губы наемника дрогнули в едва заметной, довольной ухмылке. Убрав телефон, он обернулся к застывшим ребятам:

— Чего застыли? Нападайте все вместе!

Затем его взгляд переместился на Мэгуми, который до сих пор стоял в стороне. Тот был первогодкой и формально в занятиях старших классов не участвовал. Однако, чтобы сын не заподозрил неладное из-за их странных переглядок с Сатору, Тодзи прищурился и скомандовал:

— Эй, мелкий, тебя это тоже касается. Живо на поле!

Мэгуми, который действительно в эту секунду размышлял, какую именно тайную сделку провернул его непутевый родитель с Сатору, только и смог что промолчать:

—...

Впрочем, раздумывать времени не оставалось. Сорвавшись с места, он примкнул к атакующему строю старшекурсников. Спустя пару минут яростной трепки, когда от тяжелых отцовских затрещин у него перед глазами все поплыло, все его давешние подозрения мигом вылетели из головы.

Белобрысая макушка Сатору к тому моменту уже давно исчезла из виду.

А вот Годжо Харе сейчас было совсем не до развлечений. Он с головой погрузился в дела, готовясь официально занять пост верховного руководителя Главного совета магов.

Когда-то Главный совет магов создавался с единственной целью — сокрушить монополию великих кланов, в особенности противостоять могуществу Трех великих семейств. Членам Госанкэ изначально и вовсе запрещалось вступать в Совет напрямую, так что им приходилось действовать через подставных лиц и верных марионеток.

Но это было лишь на заре существования организации. В те времена все кресла в Совете занимали исключительно независимые маги, которые плечом к плечу боролись против аристократии, пытаясь отвоевать для простых магов хотя бы клочок земли под солнцем.

Увы, время не пощадило их идеалы. Победитель дракона сам со временем стал драконом.

Главный совет постепенно превратился в личную вотчину той самой знати. Организация, призванная оберегать права простых магов, теперь стояла в авангарде их жестокого подавления.

Разумеется, старое негласное правило, закрывавшее членам Госанкэ прямой доступ к рычагам

правления, давно превратилось в посмешище.

Хара давно укрепился в Совете, умело используя свое колоссальное влияние на клановых магов. Позже, разыгрывая перед старожилками показательную вражду с Гэто Сугуру — предводителем вольных магов, — он тихой сапой прибрал к рукам львиную долю реальной власти в организации.

И хотя ради прихотей Сатору он активно содействовал реформаторским планам Сугуру, у Хары и в мыслях не было уступать союзнику кресло верховного лидера Совета.

Даже зная, что Сугуру всецело предан своему делу, лишен эгоизма и, взойдя на вершину, никогда не пойдет против Сатору или клана Годжо, Хара понимал: Гэто также не станет использовать обретенную власть, чтобы потакать капризам Сатору или обеспечивать клану особые привилегии.

Кроме того, Хара, некогда воочию видевший падение Гэто во тьму, попросту не мог доверять ему без оглядки. Куда надежнее держать поводья в собственных руках, сохраняя за собой право первого хода. Возглавив Совет, он по-прежнему сможет помогать Сугуру проводить реформы — исключительно из уважения к брату, — но при таком раскладе весь магический мир будет беспрекословно подчиняться воле Сатору.

Помощь в реформировании была лишь щедрым жестом Хары навстречу желаниям младшего близнеца.

Весть о скором воцарении Годжо Хары вызвала волну ликования среди потомственных магов.

А вот независимые маги заметно пали духом. Никто не ожидал, что закостенелые консерваторы из фракции нейтралов внезапно перевернутся на сторону молодого господина из клана Годжо, дружно проложив ему дорогу к заветному креслу.

Сам Гэто Сугуру, будучи неформальным лидером вольных магов, воспринял новости на редкость спокойно и даже с искренней радостью.

Для него Хара давно стал надежным союзником и верным соратником на общем пути реформ.

Заметив уныние среди сторонников, Сугуру мягко улыбнулся и приободрил их:

— Не стоит унывать. Мы с Годжо Харой достигли твердого соглашения. В обмен на нашу поддержку он гарантирует равное и беспристрастное отношение как к вольным магам, так и к представителям кланов, а также обязуется содействовать реформе магического общества.

Последователи Гэто безгранично доверяли своему предводителю, за долгие годы полностью покоренные его харизмой и твердостью духа. Услышав эти заверения, они, пусть и пряча в

глубине души сомнения, поспешили выразить полное согласие с его решением.

По старой традиции старейшины из Главного совета планировали затеять роскошный банкет, чтобы во всеуслышание объявить о назначении нового верховного лидера.

Однако имя Годжо Хары давно гремело как в магических кругах, так и в обычном мире, поэтому в дешевом пафосе он не нуждался. Кому нужно — те и без шумных застолий прекрасно поняли, в чьих руках теперь сосредоточена власть.

Хара решительно отклонил все предложения о пышных празднованиях, распорядившись выпустить лишь лаконичный официальный указ. Так началось его правление.

Едва завершив формальности, Хара поспешил в родное поместье, нетерпеливо дожидаясь возвращения брата с работы.

Увидев Сатору на пороге, он мягко улыбнулся:

— Сатору, каким ты хочешь видеть этот мир? Скажи мне, и я сделаю его именно таким.

Сатору удивленно моргнул, а затем расплылся в широкой улыбке:

— Ну надо же! В таком случае премного благодарен, многоуважаемый господин верховный руководитель!

Хара искренне рассмеялся, качая головой:

— Полно тебе. Говори без стеснения, Сатору, чего бы тебе хотелось больше всего?

Сатору опустился на татами рядом с братом. Некоторое время он молчал, глядя в пустоту, а затем заговорил уже без привычного паясничанья:

— В нашем мире слишком много гнилых мандаринов. И я всегда знал: если держать здоровые плоды в одной корзине с гнильем, они неизбежно испортятся. Все эти годы я пытался оградить учеников от этой заразы. Но... стоит им выпуститься из стен колледжа, как они растворяются в этой затхлой системе. Одиночки не способны переломить устои. У гнилых мандаринов вырастает такое же гнилое потомство, и этот цикл повторяется из поколения в поколение. Иногда кажется, что просвета просто нет.

Сатору никогда не был слеп. Внутриведомственная грызня в Главном совете, непомерная алчность старейшин, средневековые догмы и бессветная тьма шаманского общества — он подмечал каждую мелочь своим Рикуганом. Если бы не титанические усилия Хары и Сугуру, годами сдерживавших натиск этой заразы, мир магов давно бы погряз в абсолютном хаосе.

Но теперь, по крайней мере, на горизонте наконец забрезжил свет.

Сатору повернулся к брату, и его губы тронула теплая, искренняя улыбка. Сняв темные очки, он посмотрел на Хару сияющими лазурью Шестью Глазами, в глубине которых отражалось ясное небо.

— Но все это было раньше. Теперь, когда вы с Сугуру взяли за реформы, дела пошли на лад. Детям больше не приходится брать на себя непосильную ношу. Они могут наслаждаться юностью в стенах школы, не опасаясь, что из-за нехватки опыта их очередное задание окажется последним. За эти годы смертность среди магов резко снизилась, и в этом целиком ваша заслуга...

Хара слушал затаив дыхание.

Сатору редко пускался в столь долгие и серьезные откровения, но сегодня ему явно требовалось излить душу.

— Если честно, поначалу я загорелся идеей перемен только потому, что испугался... испугался, что Сугуру сломается и уйдет во тьму. Но со временем я вошел во вкус. Магический мир постепенно очищается, старых маразматиков становится все меньше, и впереди наконец-то видно будущее...

Сатору тепло взглянул на брата:

— Так что если все будет продолжаться в том же духе, я буду абсолютно счастлив. Ты и так сделал для меня слишком много, Хара.

Хара протянул руку и мягко коснулся белоснежных волос брата. Его взгляд потеплел.

— Но этого все еще недостаточно, Сатору. Наш мир по-прежнему отравлен предрассудками. Клановость, вечные догмы, сословная спесь, дискриминация по полу и силе проклятой энергии... Все эти пороки никуда не делись. Они лишь притихли, пока мы стоим у них над душой. Мы убрали грязь с поверхности, но на самом дне все еще копошатся черви, готовые в любой момент выползти наружу. Но если тебе так дорог чистый магический мир, твой брат сделает его абсолютно безупречным.

Хара улыбнулся:

— Проси о чем угодно, Сатору. Ты достоин всего лучшего, что есть в этом мире.

«Этот мир создан лишь для того, чтобы вращаться вокруг тебя».

Сатору неожиданно подался вперед и крепко обхватил Хару руками, дурашливо уткнувшись носом в его плечо.

— О-о-о, братик, ты у меня самый лучший! — жалобно протянул он. — Раз ты обещаешь исполнить любое мое желание, то... можно я теперь буду старшим братом? Ну пожалуйста!

Хара лишь молча вздохнул. Он крепко обнял Сатору в ответ, надежно зафиксировав его в своих руках, и непреклонно отчеканил:

— Вот это — исключено!

Сатору разочарованно захныкал:

— Ну вот, началось! Братик, это просто подло. Сначала говоришь «все что угодно», а как доходит до дела — сразу в кусты. Ты нарушил обещание!

Хара невозмутимо парировал:

— В этом вопросе я готов прослыть обманщиком. Хочешь наказать меня за это?

Глаза Сатору азартно блеснули:

— Тогда пускай моим наказанием будет... назови меня «братиком»!

Хара мягко щелкнул его по носу:

— Такое наказание не принимается. Придумай что-нибудь другое.

Сатору тут же разразился притворными рыданиями:

— О-о-о, неужели братик разлюбил своего маленького Сатору? Как ты можешь отказывать мне в такой невинной малости? Сердцеед бесчувственный!

Хара лишь снисходительно похлопывал брата по плечу, терпеливо дожидаясь, пока у того иссякнет актерский запал.

Поняв, что сцена провалилась, Сатору мигом отстранился. Разумеется, на его лице не было и следа слез. Он сокрушенно вздохнул:

— Ну и сухарь же ты, Хара. Совершенно не хочешь порадовать младшего брата...

Хара потрепал его по взъерошенной макушке:

— Я серьезно, Сатору: проси о чем угодно, кроме этого. Даже если ты захочешь сжечь этот мир дотла, я лично поднесу тебе факел.

Сатору испуганно округлил глаза:

— С ума сошел? Зачем мне уничтожать мир? Если все исчезнет, где я буду брать клубничные дайфуку, эдамаме-кикуфуку со сливками и черничные пирожные? Нет уж, увольте!

Хара усмехнулся:

— Это был всего лишь пример.

Он поднялся на ноги и расправил складки кимоно:

— У меня скоро онлайн-совещание Главного совета магов, так что я пойду в кабинет.

Будучи новоиспеченным верховным главой Главного совета магов, Хара буквально тонул в лавине бумаг и согласований. Этот короткий разговор по душам с братом стоил ему нескольких отмененных встреч, которые он выкроил с огромным трудом.

Теперь же, когда цели Сатору стали ясны, Хара мысленно приготовился к тому, что работы у него прибавится в разы.

Первоочередной задачей на новом посту стала тотальная зачистка Главного совета от прихвостней Кэндзяку. К этому делу следовало подойти с хирургической точностью — любая оплошность могла обернуться катастрофой.

Кому захочется вести войну с древним злом, зная, что у тебя за спиной стоят чужие шпионы, готовые в любой момент нанести удар?

Проклятая техника Кэндзяку позволяла ему пересаживать собственный мозг в чужие тела, полностью подчиняя их разум и забирая способности. За долгие века этот манипулятор наверняка не раз примерял на себя шкуру высокопоставленных чиновников Совета. Сколько его марионеток до сих пор сидит в этих кабинетах?

Хара не имел права на ошибку.

Первое пламя зачисток, устроенных Харой, обрушилось на тех членов Совета, кто подозревался в сговоре с древним магом.

Вычислить тех, чьи тела Кэндзяку занимал лично, было относительно просто. Из-за условий связывающей клятвы он не мог скрыть характерный хирургический шов на лбу — это было главным уязвимым местом его проклятой техники.

Харе оставалось лишь поднять архивы и выяснить, у кого из прошлых старейшин в какой-то момент внезапно появлялся глубокий шрам на лбу. Это безошибочно указывало на присутствие кукловода.

Куда сложнее обстояло дело с теми, кого Кэндзяку успел завербовать. Он действовал скрытно, вдали от посторонних глаз, а наложенные на предателей связывающие клятвы гарантировали их гробовое молчание. Выдать своего покровителя они не могли физически.

Выкорчевать этих затаившихся гадин было невероятно трудно.

Сугуру, помогавший Харе с расследованием, тоже признавал всю сложность ситуации:

— Это сизифов труд. Кэндзяку слишком искусно притворялся другими людьми, полностью копируя их привычки и манеру речи. Половина его пешек даже не подозревала, что присягала на верность тысячелетней твари.

Хара ответил с пугающей холодностью:

— Значит, будем действовать радикально: лучше ликвидировать лишних, чем оставить хоть одну крысу. Задержим всех подозреваемых и заставим их назвать имена тех, чьими телами завладел Кэндзяку. Те, на ком лежит связывающая клятва, при попытке заговорить падут жертвой смертельного отката. Так мы сразу отсеем предателей.

Сугуру опешил от такой жестокости:

— Но мы же погубим кучу невинных! Некоторые заключали договоры с истинными владельцами тел задолго до того, как тех подчинил себе Кэндзяку. Нарушение связывающей клятвы убьет их...

Сугуру давно лишился сострадания к обычным людям, но к собратьям-магам он по-прежнему относился с особым трепетом. Безжалостный подход Хара, готового пустить под нож союзников ради безопасности, вызвал у него глухой протест.

Хара смерил его ледяным взглядом и бесстрастно произнес:

— Неужели ты думаешь, что дельцы, заключавшие тайные союзы с верхушкой Совета, безгрешны? Старейшины из Главного совета прогнили насквозь, и Кэндзяку на их фоне выглядит едва ли не дилетантом. А их прихвостни — точно такие же шелудивые псы. Даже если они погибнут под горячую руку из-за подозрений в шпионаже, жалости они не

заслуживают.

Сугуру умолк. За время работы в Совете он успел заглянуть в самые темные его закоулки и прекрасно понимал: Хара прав.

Однако слепая привязанность к собратьям-магам заставила его продолжить спор:

— И все же смерть — слишком суровое наказание для некоторых. К тому же магов в нашем мире и так катастрофически мало. Если мы устроим массовую чистку, кто будет выполнять работу? У нас начнется кадровый голод.

Впереди их ждала грандиозная цель — снятие барьеров Тэнгэна. А до этого момента требовалось мобилизовать все силы, чтобы очистить страну от расплодившихся проклятых духов. Каждый боец был на счету.

У Хары на это был готов вполне прагматичный ответ:

— Нам точно не пригодятся эти кабинетные сибариты, которые в жизни не изгнали ни одного проклятия. Плевать на их звания магов первого ранга — в реальном столкновении они уступят даже толковому магу второго ранга. Они привыкли восседать в мягких креслах и отправлять молодежь на убой. Бойцы из них никудышные. Оставив их, мы получим лишь балласт, который вдобавок будет плести интриги.

Хара небрежным жестом швырнул на стол увесистую папку с архивными отчетами подозреваемых чиновников.

Сугуру бегло пролистал первые страницы, и лицо его мгновенно потемнело от ярости.

Как же эти господа заслужили свои высокие звания? Схема оказалась банальной: они отправлялись на задания в окружении личной гвардии телохранителей, те за них изничтожали проклятия, а чинуши просто приписывали все лавры себе. Пройдя эту процедуру чисто для галочки, они получали вожделенный первый ранг и больше никогда не марали руки. Вместо этого они оседали в теплых кабинетах Главного совета, отправляли молодых магов на опасные миссии, забирая себе львиную долю их гонораров, и безбожно угнетали тех, кто не имел влиятельных покровителей. Если же кто-то осмеливался перечить или отказывался присягать им на верность, его судьба была предрешена — чиновники сознательно занижали ранг угрозы в документах, хладнокровно отправляя строптивца на убой.

Такие твари заслуживали самой лютой смерти.

— Знаешь что, — процедил Гэто, чье лицо исказила гримаса отвращения, — к черту эти проверки. Давай просто пушим их всех в расход. Одним махом. Ошибки здесь быть не может.

Хара мысленно улыбнулся. Такая радикальная перемена в настроении союзника его полностью устраивала. У них были общие цели, и лишний балласт в виде чужой сентиментальности ему был ни к чему.

— Нет, давай все же проведем отбор. Нам необходимо выяснить, кто конкретно продался Кэндзяку — так мы сможем пролить свет на его вековые интриги внутри Совета. А тех, кто окажется чист от связей с ним, мы все равно ликвидируем, но уже по другим статьям. Благо, компромата на них предостаточно.

В этот момент Хара мысленно порадовался, что в магическом мире смертная казнь никогда не отменялась.

Будучи тем, кто выносил эти приговоры, он не видел ни единой причины для проявления гуманизма к паршивым овцам.

Впрочем, злоупотреблять высшей мерой тоже не следовало. Магическое законодательство давно требовало тотального пересмотра.

<http://bllate.org/book/19549/2004387>